

К вопросу о роли масс-медиа в массовом обществе

В настоящее время интерес к проблемам масс-медиа все отчетливее принимает характер озабоченности. В данной работе мы пытаемся отдать себе отчет в характере этой озабоченности и прояснить некоторые сущностные характеристики масс-медиа, напрямую отсылающие к проблеме власти.

Взаимосвязь массы и власти лежит буквально на поверхности. В рамках исследования массы существуют две традиции, которые условно можно обозначить как модернистскую позицию и позицию постмодерна. Философия модерна характеризуется тем, что пытается в максимальной степени акцентировать внимание на проблеме «массовости» и на разграничении масс и не-массы. Для чего и конструируется некая условная точка вневходимости по отношению к массе. Постмодерн же не может позволить себе роскоши вневходимости, потому разговор о массе здесь представляется непродуктивным.

Что же такое масс-медиа или СМИ в контексте проблемы массового общества? Обратим внимание на терминологию. «СМИ» всего лишь *«средства»* массой информации». С одной стороны, заявлена довольно скромная позиция. С другой — возникает ощущение, что не все так просто в языке повседневности. Уж очень «средства массовой информации» похожи на средства от головной боли, средства от кашля, лекарственные средства. Значит, современное общество поразила некая «зараза», от которой его необходимо срочно излечить. Что же это за «вирус»? Очевидно, этот страшный недуг то ли «неинформированности» («информированности»), то ли «дезинформированности». СМИ же, в данном случае, выступают в качестве «пилюли» от этой болезни.

Термин «масс-медиа» представляется более точным, а потому более функциональным для данного исследования. Согласно этимологии, масс-медиа — некий медиатор, среднее звено. Что же это среднее звено соединяет?

---

* Под руководством и редакцией Е. В. Савенковой

Предположим, что есть пункт А и пункт В, которые не способны контактировать напрямую. Следовательно, возникает потребность в некоем посреднике, который способен наладить коммуникацию между этими пунктами. В данном случае речь не идет ни о какой *информации*, скорее мы будем говорить о процессе соединения разнородного, о создании смысловой целостности.

Если за пункт А мы примем апатичную и бесцельную массу, а за пункт В активные, но вечно рассеивающиеся властные структуры, то роль медиатора, создающего эффект целостности, оказывается весьма серьезной.

Связь масс-медиа и власти стала столь очевидной в частности по причине того, что сами масс-медиа трубят во все стороны о своей властности. Они занимают одно из важных мест в списке политических и экономических институтов, которые являются своего рода «машинами власти»: университет, армия, письмо, масс-медиа¹ — Фуко ставит их в один ряд. Впрочем, сегодня можно отметить, что первые три института «затягиваются», «вбираются» в масс-медиа, создавая новую дисциплину — дисциплину зрелища-потребления.

Что же такое масс-медиа по сути? Являются ли они носителем, либо механизмом власти? Ответы на эти вопросы можно найти в работе Ж. Бодрийяра «Реквием по масс-медиа». В этой работе Бодрийяр ставит под сомнение функционирование масс-медиа в качестве проводника информации: «Характерной чертой масс-медиа является то, что они предстают в качестве антипроводника, что они нетранзитивны, что они антикоммуникативны — если мы примем определение коммуникации как *обмена*, как пространства взаимосвязи слова и *ответа*, а следовательно, и *ответственности*, — что они вовсе не обладают психологической и моральной ответственностью, но выступают в качестве личностной корреляции одной и другой стороны в процессе обмена. Иными словами, если мы определяем коммуникацию как нечто иное, нежели просто передача/прием информации,

¹ Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Практикс, 2002. С. 207.

то последняя подвержена обратимости в форме *feed-back*. Таким образом, вся современная архитектура масс-медиа основывается на этом нашем последнем определении: *они являются собой то, что навсегда запрещает ответ*, что делает невозможным процесс обмена (разве только в формах *симуляции* ответа, которые сами оказываются интегрированными в процесс передачи информации, что, однако, ничего не меняет в однонаправленности коммуникации). Именно в этом — их подлинная абстракция. И именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти»².

Таким образом, мы можем заметить, что инвестиции власти в массу производятся посредством масс-медиа. И в этом смысле масс-медиа действительно осуществляют коммуникацию, но коммуникацию однонаправленную. Но как инвестируется масса? Ведь не существует массы как постоянного количественного образования, как некоей социальной общности. Существует лишь ситуативное качество — человек массы, которое может трансформироваться в количественное образование при условии наличия сильной объединяющей эмоции. Следовательно, интересующие нас инвестиции имеют одну очень важную характеристику: они производятся на микроуровне массового сознания, осуществляя точечный характер власти.

XX век — это время, когда инвестиции власти в *тело* становятся максимальными: «Владение своим телом, осознание своего тела могло быть достигнуто лишь вследствие инвестирования в тело власти: гимнастика, упражнения, развитие мускулатуры, нагота, восторги перед прекрасным телом... — все это выстраивается в цепочку, ведущую к желанию обретения собственного тела посредством упорной, настойчивой, кропотливой работы, которую власть осуществляет над телом детей, солдат, над телом, обладающим хорошим здоровьем»³.

Но масс-медиа не имеют возможности осуществлять власть над телом напрямую посредством «муштры» (на чем

² Бодрийяр, Ж. Реквием по масс-медиа: <http://www.I-U.ru>

³ Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Практикс, 2002. С. 162.

делает акцент Фуко). Это не институт армии или университета, или письма — это вообще не совсем телесная дисциплина. Масс-медиа взаимодействуют с телом не напрямую, но через «желание обретения своего тела». Стало быть, масс-медиа осуществляют власть путем организации, формирования желания (в частности, и желания обретения своего тела). Но каким же образом масс-медиа организуют желание? Из дня в день в экране телевизора человеку массы говорят, нет, его убеждают в том, что он хочет быть успешными, и предлагают супер-мыло, супер-шампунь, супер-тренажер, с помощью которых он незамедлительно и всенепременно обретет красивую фигуру, а также хорошую работу и достойное положение в обществе. Может, он и не хочет этот чудо-шампунь, но как только он включает телевизор, он попадает в ловушку.

Итак, мы определили масс-медиа как силы, формирующие желание. Какого же рода эти силы? Ницше в свое время разделял силы на активные и реактивные. По сути, активные силы — это те, которые способны создавать нечто принципиально новое. Реактивные же — занимаются тем, что не позволяют активным силам актуализоваться.

Формируя и навязывая желание, масс-медиа проявляют себя как реактивные силы. Вследствие воздействия этих сил, происходит внутреннее отчуждение желания от того, кто желает.

Во всех властных отношениях можно зафиксировать следующую структуру: давление, сопротивление, эффект. В масс-медиа наблюдается несколько иной процесс — нет внешнего давления, потому нет и сопротивления внешнего внутреннему, эта оппозиция здесь вообще не срабатывает. Поэтому власть в политическом смысле — это одно, а власть, которая осуществляется в рамках масс-медиа, — это уже что-то другое. Это некие игры. Игры, которые производят желание. А что такое желание, взятое отдельно от объекта желания? Это сила, интенсивность в чистом виде. Следовательно, масс-медиа производят интенсивность.

Посредством подмены (которую уже почти невозможно отличить от формирования) желания масс-медиа осуществляют власть над массой. Сегодня масса предстает в качестве разряженной атмосферы. Это разряжение предполагает огромный выброс энергии, которая может носить разрушитель-

ный характер и которую, во избежание разрушительных последствий, необходимо направить в нужное русло. Таким образом, масса выступает в роли «дойной коровы» общества, производя энергию, за счет которой живет социальное целое. Масс-медиа в этом процессе выступают в роли «громоотвода», который заставляет течь производимую массой энергию в нужном русле, мирно желая и потребляя желаемое. Логика Бодрийяра не лишена смысла — человек массы функционирует как потребитель, это его главное предназначение сегодня.

Подводя предварительные итоги, можно сказать о том, что масс-медиа — это машина, которая организует массу таким образом, чтобы:

- 1) она продолжала вырабатывать свою мощность;
- 2) она эту мощность направляла, куда положено, выполняя свой гражданский долг, т. е. потребляя.

Поэтому масс-медиа действительно выступают в качестве посредника. Только они не осуществляют коммуникацию между некими внешними А и В. Они находятся между властью как управлением и властью как мощностью, между двумя пластами власти: представленной в концепции Фуко и в концепции Делеза и Гваттари.

Понимание власти в традиции постмодерна да и, наверно, вся постмодернистская мысль — реакция на понятие «воли к власти», предложенное Ницше. Но с течением времени этот концепт претерпел значительные изменения. «Что же касается Фуко, то вкратце о специфике его понимания власти можно сказать следующее. Наследуя в целом проблематику Ницше, Фуко видоизменяет концепт: в его редакции концепт “воли” просто теряется, что и не удивительно — слишком тяжеловесен немецкий термин, слишком привязан к субъектным структурам мысли, чтобы переключиться в арсенал француза — постмодерниста... Для Фуко власть — это прежде всего некое полевое образование или децентрированная структура, вездесущая, благодаря своей капиллярной природе, а потому требующая микроанализа, который Фуко с блеском и проводит... Власть не исходит из субъекта, наоборот, она есть везде, где возникают отношения, она есть то, что эти отношения упорядочивает и в ходе этого упорядочивания формирует субъектов отношения. Так парадоксальным образом субъект оказывается продуктом власти, которая про-

изводит его весьма специфичным образом, а именно — посредством дисциплины и наблюдения формируя из плоти «эффективные тела»⁴. Вследствие этого складывается впечатление, что власть у Фуко становится не только тотальной, но и репрессивной (то есть по природе своей связанной с подавлением и угнетением)⁵. В рамках этой процедуры трансформации ницшеанского концепта, Фуко придумывает стратегию спасения интеллектуала в ситуации тотальности власти. «Хитрость состоит в том, чтобы организовывать не сопротивление и не выход за границы, а совпадение с властью... Таким образом, антирепрессивная гипотеза состояла в том, чтобы заменить внешнюю дисциплину и надзор на внутренний самоконтроль и аскезу»⁶.

Делез также трансформирует ницшеанский концепт «воли к власти», так как не желает «тянуть за собой» весь тот шлейф, который непременно будет следовать за тяжеловесным немецким термином. «В такой ситуации Делез предпринимает изобретение или пересобирание концептов. Результатом этого философского дизайна оказывается следующая коллажная комбинация. Слово “желание”, изначально принадлежащее психоаналитическому словарю, оказалось нагружено по содержанию всей той мощью и креативным потенциалом потоков становления, которые прочитывались Делезом в ницшеанской воле к власти, в результате чего этот концепт не только перестал вписываться в психоанализ (в котором желание всегда завязано на нехватку и подавление), но и востребовал в качестве иной перспективы шизоанализ»⁷.

Власть как желание находит свое второе рождение в книге Делеза «Капитализм и шизофрения», написанной им совместно с Феликсом Гваттари. Первая часть проекта — «Анти-Эдип» — это некий симбиоз психологического и философского исследования. В этой работе проводится очень тонкий, практически ювелирный микроанализ того, как осуществляются инвестиции власти в тело.

⁴ *Mixtura verborum* 2004: пространство симпозиона : сб. ст. / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2004. С. 46–47.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 47–48.

⁷ Там же. С. 48–49.

В какое же тело, по мнению Делеза и Гваттари? осуществляются инвестиции власти, и что при этом происходит с этим телом? Инвестиции власти происходят на микроуровне в тело, которое называется в «Анти-Эдипе» «телом без органов». Тело без органов — это тело без образа, которое существует в момент своего создания. «Тело есть тело/оно само собой/оно не нуждается в органах/тело никогда не организм/организмы — враги тела»⁸. Используя термин «тело без органов», Делез и Гваттари хотят уйти от понимания тела как организма, от приравнивания тела организму. Они хотят показать, что проблема инкорпорирования власти в тело гораздо глубже, чем муштра, производимая с телом, которая достаточно поверхностна и наглядна. Если можно так сказать, *тело без органов* «первично» по отношению к организму.

Как же может осуществляться власть над телом без органов? Власть в данном случае осуществляется путем внедрения в *тело без органов* органов, путем производства организмов. Масс-медиа занимают в этом процессе отнюдь не последнее место. Реклама — отличный пример подобной деформации или, точнее сказать, капитализации тела.

Важнейшим для понимания *тела без органов*, да и в принципе всего «Анти-Эдипа», является термин *hyle*. Что же это такое? Это поток, который является первичным и для тел без органов? и для организма. Это не то, что длится или чем длится. Это чистое дление. Если перевести это слово с греческого, то получится «древесина, сырье». При таком рассмотрении делезовское *hyle* очень похоже на гераклитовский огонь.

Этими потоками пронизано все. На пересечении этих потоков и образуются тела без органов. По отношению к *hyle* тело без органов — нечто сингулярное. Сингулярность, к которой все хотят подступиться.

Далее Делез и Гваттари обрисовывают следующую картину. Вот поток, который уплотняется в точках — *телах без органов*. А тут на них устраивается такая охота со стороны капитализма. Он пытается это тело догнать. Для этого он преграждает жизненные потоки, а в тело внедряет механику для того, чтобы эти тела вырабатывали полезную энергию

⁸ *Deleuze Gilles*, Translation of: *L'anti-Oedipe*. Reprint. Originally published: New York: Viking Press, 1977. С. 9.

(стремление к некому КПД). Эта механика внедряется в тело капитализмом, в том числе и с помощью психоанализа, который инкорпорирует в тело параноика.

Кто такой параноик? Он символизирует собой тело, «напичканное» органами, который трясется над этими органами и все время проверяет их сохранность. Параноик все время говорит «Я!» или «Я»?

Но как только тело сказал «Я», вообще, как только тело стало способно произносить слова, оно тут же попадает в ловушку, сразу же обнаруживает органы и начинает ощущать постоянную угрозу. Язык — вот главное отличие тела без органов от тела с органами. Тело без органов существует вне и до всякого языка. Но это «до» не временное, это просто «до». Таким образом тело без органов пытается сопротивляться организменным машинам, машинам принудительной организменности: «Для того, чтобы противостоять соединяющим, связующим и прерванным течениям, оно (*тело без органов*) учреждает контрпоток бесформенности, неразличаемую жидкость... Для того, чтобы противостоять использованию слов, составленных из членораздельных (артикулированных) фонетических конструкций, оно (*тело без органов*) издает только задыхания и крики, которые являются явными анартикулированными блоками звуков»⁹.

Везде, где на *тело без органов* осуществляется охота, находятся машины. «Тело без органов отталкивает их (машины-желания) с тех пор, как оно ощущает их как аппарат гонения. Генезис машины лежит здесь: в оппозиции процесса производства машин-желания и непроизводственности тела без органов»¹⁰. Машины возникают как прерывание потока, который предположительно производится другой машиной, которая в свою очередь прерывает поток третьей машины и т. д.¹¹ Возникает бесконечная череда машин. Машина желания — это машина, которая производит желание, которому противопоставляется желание как *hyle*. Когда есть просто

⁹ Deleuze Gilles, Translation of: L'anti-Oedipe. Reprint. Originally published: New York: Viking Press, 1977. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же. С. 37.

хотение — это *hyle*, когда же «Я хочу этого, чтобы» ... — это уже проявление работы механизмов машин-желания.

Почему же Делез и Гваттари используют термин «машина»? Ведь ясно же, что это метафора. Возможно, что для них «машина» является компактным символом капитализма. Но кто заводит механизм? Пожалуй, для позднего капитализма стало очевидным, что никто. Более не существует ни автора, ни субъекта. Субъект — всего лишь аппендикс, произведенный как остаточный, побочный элемент в процессе инкорпорирования органов в тело без органов¹².

Масс-медиа в данной конструкции будут занимать место машины-желания (машины, производящей желания), власть опять же будет возникать в двух аспектах — в активном аспекте желания как *hyle* и в реактивном аспекте подмены этого желания. Осталось определить место, которое будет занимать масса. А для массы в этой конструкции просто нет места. Но это не повод для расстройств, а стимул для того, чтобы взглянуть на саму массу как-то иначе.

Такое ощущение, что Делез и Гваттари специально не думают термином *масса*, т. к. это термин социокультурный. *Масса* обязательно потянет за собой исследования Ортеги и Канетти, а значит, и совсем ненужную оппозицию массы и элиты. Здесь же говорится о потоках, которые «до» и «вне» всякой массы. Делез и Гваттари отлично обнаруживают различные массовидные тела. Такое ощущение, что они подходят к проблеме как бы с изнанки. Мы уже настолько привыкли употреблять слово «масса», а может быть, это не такое уж и целостное образование, может быть под термином *масса* кроется нечто иное?

Итак, в рамках традиции постмодерна осуществляется проект спасения, который возникает и существует как реакция на проект Просвещения. Вопрос о том, что такое Просвещение, был впервые задан Кантом. Фуко в одной из своих статей пишет о том, что этот вопрос является эквивалентом вопроса о современности. В ситуации, современной постмодернистам, проект Просвещения достигает в своей реализа-

¹² Там же. С. 20.

ции «точки экстремума», в которой масс-медиа играют роль «просветительской машины». В этой «точке экстремума» формируется «проект Спасения». То, что «проект Спасения» является реакционным и противопоставляется проекту Просвещения, не вызывает сомнений. Впрочем, можно отметить, что некогда революционные исследования Делеза и Гваттари сегодня вызывают сомнение. Ведь у масс-медиа очень быстрая реакция. В настоящее время они пытаются заблокировать спасение через состояние «шизо», осуществляя попытку производства и внедрения этого состояния. Существует одно значительное различие: «шизо» не характеризуется как клиническое состояние, а состояние, производимое масс-медиа, очевидно, начинает приобретать черты клиники.